

Сюй Гань тоже встал. Он протянул Тань Чжифэну тот самый мешочек и сказал: «Впредь, в дни цзюэди, я буду приходить к тебе есть суп с лапшой. Если денег не хватит, скажешь мне».

Тань Чжифэн хотел отказаться, но Сюй Гань уже встал и вышел. Тань Чжифэн откинул занавеску и увидел, что на улице всё ещё идёт небольшой снег, а дорога стала мокрой и скользкой, покрывшись тонкой корочкой льда.

В тёплом и тусклом свете свечей Тань Чжифэн смотрел на удаляющуюся фигуру Сюй Ганя. На холодном ветру Сюй Гань один раз обернулся, увидел, что Тань Чжифэн всё ещё стоит, слегка кивнул ему и зашагал прочь.

Как только Сюй Гань ушёл, Тань Чжифэн, не убирая посуду, стукнул по столу и с непроницаемым лицом сказал: «Собрание! Все сюда, собрание!»

— Ого, первое собрание. Увидел своего ненаглядного — и сразу другой человек, — Чжочжо, приподняв юбку, плавно подошла из-за стойки и села напротив Тань Чжифэна. — Давай быстрее, я в последние дни не высыпаюсь. Если так пойдёт и дальше, я смогу превращаться в человека только на два часа в день. Для работы в лавке придётся тебе искать кого-то другого. Если совсем туго будет, можешь рассмотреть того господина Чэня. Хе-хе-хе, когда мужчина и женщина работают вместе, работа не в тягость...

И-и, стоявший у стены, и Чанчан, сидевший на столе, тоже подошли. Чанчан сел рядом с Тань Чжифэном, а И-и, скрестив руки на груди, прислонился к стойке: «Чэнь Цин? Сразу видно, что из богатой семьи. Ты его ни за что не наймёшь».

Только Чанчан с тревогой взял Тань Чжифэна за руку: «Чжифэн, кто он?..»

Тань Чжифэн не успел ответить, как Чжочжо вдруг бессвязно закричала, напугав его, и без того растерянного: «Тань Чжифэн, ты уверен, что это тот, кого ты ищешь? Разве ты не искал какого-то там дракона? Как его угораздило переродиться в таком виде? Он сможет победить того... того человека? По-моему, он и свою-то жизнь еле спасает... Ах да, если ты хочешь возобновить с ним былые отношения, не забывай, у него есть прицеп — четырёхлетний ребёнок...»

Тань Чжифэн молчал. Прошли сотни лет, и даже самые шокирующие события прошлого стали туманными.

Он смотрел на столик, где только что сидел Сюй Гань. Посуда осталась неубранной, и казалось, что только что произошедшее повторяется в этом тесном пространстве. Тань Чжифэн вдруг почувствовал себя совершенно обессиленным. Он, пошатываясь, встал, сказал «собрание окончено» и пошёл прямо наверх.

Оставшиеся внизу трое переглянулись. Чанчан настойчиво спросил: «Так кто же он? Почему братец Чжифэн его ищет?»

Чжочжо толкнула И-и: «Ты скажи, ведь ты первым познакомился с Чжифэном».

И-и вздохнул: «Я могу рассказать, но пока я не закончу, вы не должны говорить».

Двое других энергично закивали. И-и всё ещё собирался с мыслями, а Чжочжо не удержалась: «Я что, слишком резко высказалась? Почему Чжифэн опять как в воду опущенный? Человека ведь нашли? Этот Сюй... как его там, хоть и выглядит немного заторможенным, но внешность у него одна на миллион, вот только смотрит как-то зло...»

И-и, видя, что Чжочжо не умолкает, нахмурился: «Я не буду рассказывать».

Чанчан тут же вцепился в ногу И-и, чтобы удержать его, а Чжочжо, что было для неё редкостью, потянула его за рукав и извинилась: «Ты ведь ещё и не начинал. Кстати, этот вопрос меня давно мучает...»

— Это из-за ограниченности твоего ума. Даже когда я закончу, ты вряд ли что-то поймёшь, — И-и закатил глаза, затем немного подумал и, словно говоря сам с собой, начал: — С чего бы начать? Это было, если посчитать, более трёх с половиной тысяч лет назад...

Чжочжо и Чанчан изо всех сил зажали друг другу рты, чтобы подавить вырвавшееся «так давно».

И-и не обратил на них внимания и продолжил: «Инлун? Кто он на самом деле, Чжифэн мне не говорил. Я лишь читал в книгах: "Водяная змея через пятьсот лет становится цзяо, цзяо через тысячу лет становится драконом, дракон через пятьсот лет — рогатым драконом, а через тысячу — инлуном". Значит, он, должно быть, дух, рождённый из водяной змеи, и ему потребовалось не менее трёх тысяч лет совершенствования, чтобы стать богом-драконом...»

На этот раз Чжочжо поверила. Когда здесь был Сюй Гань, они все чувствовали некое невидимое давление. Они, порождённые из цветов и трав, обладали слабой магической силой, и перед могущественными существами испытывать такой страх было естественно.

И-и взглянул на тихий верхний этаж и продолжил: «...Три с половиной тысячи лет назад на землях Чжунхуа племена постоянно воевали друг с другом. Жёлтый Император правил в центральных землях, а Император Янь — к западу от гор Тайхан. Два императора сразились за власть над Поднебесной в битве при Баньцюань. В той битве победил Жёлтый Император, а Император Янь признал себя его вассалом, и большинство его племён мирно вошли в состав клана Жёлтого Императора. Однако племена Синтяня, Куа Фу и Чи Ю всё ещё не желали подчиняться...»

«...Тогда Жёлтый Император в гневе отрубил голову Синтяню и похоронил её под горой Чаньян. Но кто бы мог подумать, что военачальник Чи Ю объединится с племенем Куа Фу и снова бросит вызов Жёлтому Императору. Силы племени Чи Ю были велики, и битва была такой ожесточённой, что небо и земля померкли, и долгое время не было ясно, кто победит... Позже Жёлтый Император даже оказался в невыгодном положении. Он почувствовал, что дела плохи, и призвал на помощь небесных богов...»

— Кого он призвал? — напряжённо спросила Чжочжо.

— Кого ещё? — И-и закатил глаза. — ...Инлуна, конечно. Он и другая небесная богиня, говорят, дочь Небесного Императора, Нюй-ба, сошли на землю, чтобы помочь. А Чи Ю призвал Хэбо и Юй-ши, чтобы сразиться с Инлуном. Людям в то время, должно быть, очень не повезло...

И-и сделал паузу и продолжил: «Инлун тоже был богом, способным управлять ветром и дождём. Битва двух сторон продолжалась несколько дней, и на центральных землях бушевали ветер, дождь и грозы, а потоки воды почти затопили всю страну... Однако, в конце концов, с помощью Нюй-ба, Жёлтый Император одержал верх. Позже божественная мощь Инлуна возросла, и в области Цзичжоу он убил Чи Ю. Племя Куа Фу бежало, но Инлун догнал их и тоже всех перебил».

Чжочжо и Чанчан молчали, но, вспомнив, взгляд Сюй Ганя показался им полным смертоносной ауры, пугающим. Чанчан невольно вздрогнул и крепко вцепился в руку Чжочжо.

И-и продолжал: «В "Шань хай цзин" говорится, что, убив Чи Ю и Куа Фу, Инлун не смог вернуться на небеса. Поэтому он поселился в южных горах и болотах, и с тех пор на юге стало влажно и дождливо». И-и помолчал и добавил: «Однако, отдохнув некоторое время, Инлун частично восстановил свою божественную силу. Позже, когда Великий Юй усмирал потоп, он помог ему справиться с разлившимися водами. Небеса даровали ему десять перерождений, после которых он сможет вернуться в небесный мир и снова стать богом...»

...

Внизу И-и увлечённо рассказывал, а наверху Тань Чжифэн, казалось, ничего не слышал, полностью погружённый в свои мысли.

Чердак был очень тесным и нисколько не походил на «просторный и светлый», как описывал его риелтор. По обеим сторонам от лестницы стояли двухъярусные деревянные кровати. Единственным другим предметом мебели был маленький чёрный лакированный столик под окном напротив лестницы.

«Значит, это правда...»

Тань Чжифэн сидел неподвижно. В его ушах звучал низкий, густой голос. Он выглянул в маленькое окошко на чердаке. Сегодняшний месяц был тонким и изогнутым, как серп, чистым и изящным, окутанным лёгкой дымкой. Рука просунулась сквозь оконную решётку и потянулась к нему, и всё, казалось, вернулось в ту ночь из его воспоминаний, когда он только обрёл слух и зрение.

По сравнению с животными, цветам и травам требуется гораздо больше времени, чтобы развить три души и семь душ. Тань Чжифэн не знал, как долго он существовал в мире, сколько веков прошло, пока однажды, словно перед ним открылось окно, и его зрение перестало быть туманным, постепенно обретая очертания и цвета.

В тусклом лунном свете он почувствовал прохладу ночного воздуха. Лёгкий ветерок сделал его ощущения ещё более отчётливыми. Он изо всех сил пытался прорваться через какие-то оковы, чтобы по-настоящему ощутить всё вокруг. И в этот момент пальцы, протянутые к нему, нежно коснулись его, и через их кончики хлынула мощная и тёплая сила, подобная приливу.

Эта сила несла в себе бесконечное давление, которое почти рассеяло его только что собравшееся сознание. Он приложил все усилия, чтобы по крупницам впитать эту силу.

В этой силе были заключены множество поразительных образов и чувств: величественные реки мира, изящные павильоны, взгляды красавиц, аромат росы на траве... Он видел, как эти картины проносятся в его сознании. Последним образом, отразившимся в тёмных зрачках, был тонкий цветок, который, словно шёлк, медленно распускал свои белоснежные лепестки, священно и спокойно расцветая под покровом ночи.

«Цветок Будды. Ты действительно существуешь, — снова раздался в его ушах тихий восхищённый голос. — Пойдём. Следуй за мной в горы и болота. Тысяча лет сансары — это слишком долго. Мне нужно такое же тихое и прекрасное сопровождение, как ты...»

Тань Чжифэн поднял голову к звёздному небу. Звёзды сияли, как бриллианты. Три тысячи с лишним лет пролетели как одно мгновение.

Как определить отношения между ним и Инлуном? Тань Чжифэн так и не смог этого понять.

По идее, когда высшее существо, будь то бессмертный, демон или дух, пробуждает сознание у существа с низким уровнем развития, то последнее обычно признаёт его своим господином и следует за ним, совершенствуясь вместе.

Так же, как он помог И-и, Чжочжо и Чанчану обрести человеческий облик, и они с тех пор следовали за ним, куда бы он ни пошёл. Однако Тань Чжифэн не считал их своими слугами, так же как не считал Инлуна своим господином.

Если бы... если бы не то, что случилось в конце, возможно, они бы так и провели время вместе до самого конца. Инлун вернулся бы в боги, а он, возможно, стал бы каким-нибудь мелким божеством. Инлун, может быть, помнил бы его, а может, и забыл.

А что до его собственных мыслей... возможно, это было уже не так важно.

А может, у него и был ответ, но он просто не хотел с ним мириться.

...

— Сансара Инлуна, похоже, отличается от обычной. Он постепенно восстанавливает сознание и память Инлуна, но обычно к тому времени его очередное перерождение заканчивается, — И-и устал говорить. Он махнул рукой Чжочжо, и та нехотя встала и заварила ему чаю. И-и, сдувая густую пену, сказал: — Я закончил.

— Что?! И это всё?! — взревела Чжочжо. — Я тут посреди ночи не сплю, чтобы слушать, как ты мне "Шань хай цзин" пересказываешь?! Ты что, Чанчану сказки на ночь рассказываешь?! Я хочу услышать об отношениях Тань Чжифэна и его!

<http://bllate.org/book/14942/1323804>